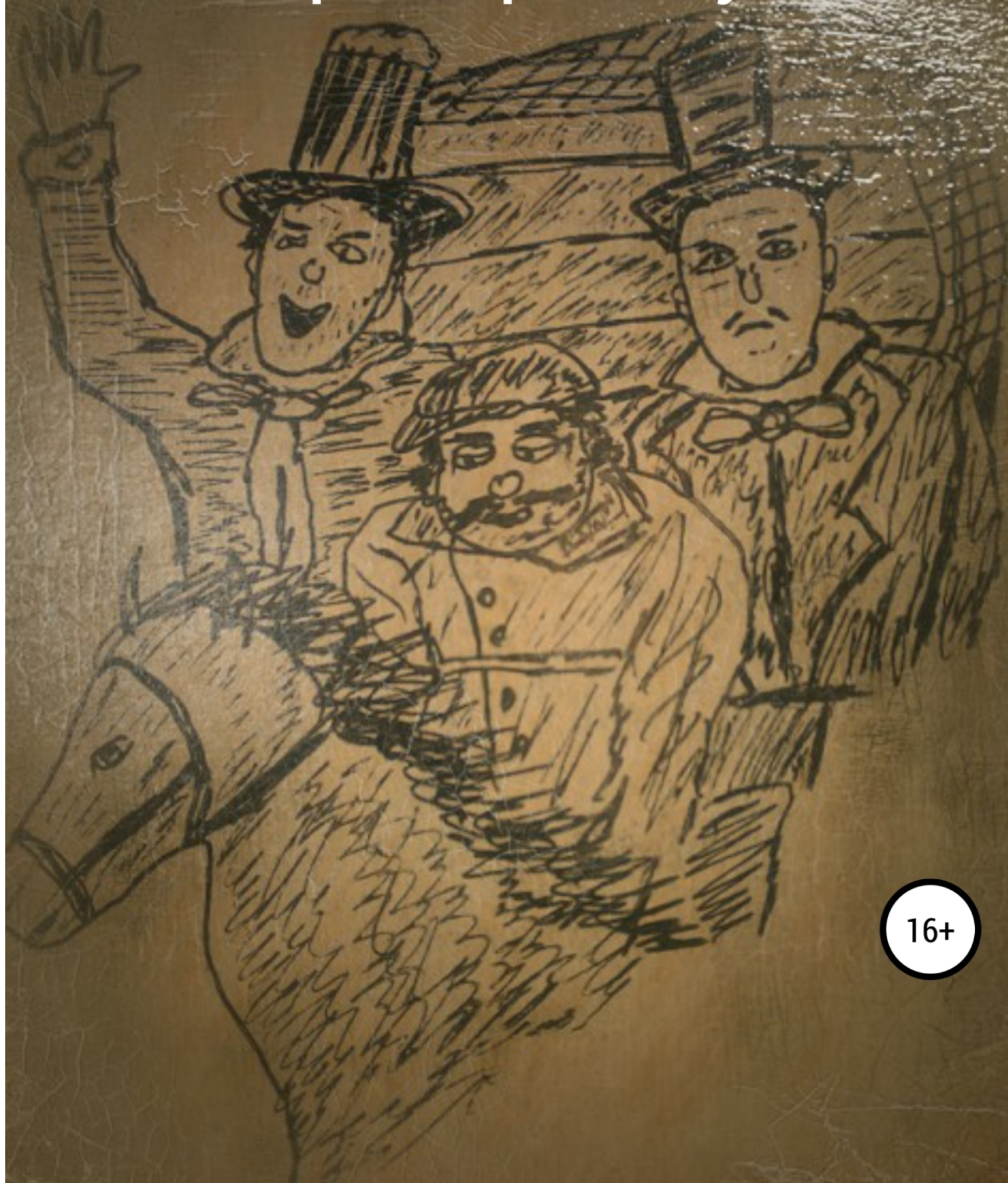

Игорь Крончуков

16+

Средь Текущих Времен

Игорь Крончуков
Средь текущих времен

«Автор»

2003

Крончуков И. Н.

Средь текущих времен / И. Н. Крончуков — «Автор», 2003

И время порой неугомонно... Времена меняются, люди остаются. Времена остаются, люди меняются. Останемся ли мы такими как и были. Времена прошедшие, проведенные с самим собой, времена прошедшие оставив позади множество дорог.

© Крончуков И. Н., 2003

© Автор, 2003

Содержание

В старом доме	6
Ямщик	7
Барин	8
Про осень	9
*	10
**	11
****	13
*****	14
*****	15
Другой человек	16
*	17
Любить	18
*	19
Помню	20
*	21
Покорный	22
В дороге	23
Песнь о сапожнике	24
*	25
Кровать	26
*	27
Остановка	28
*	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Игорь Крончуков

Средь текущих времен

Средь текущих времен
Игорь Николаевич Крончуков

И время порой неутомно... Времена меняются, люди остаются. Времена остаются, люди меняются. Останемся ли мы такими, как и были. Времена прошедшие, проведенные с самим собой, времена прошедшие оставив позади множество дорог.

В старом доме

В старом доме творит тишина...
В бедном, со всех сторон дыры;
Человек с глотка дешевого вина,
Вспоминал свои прошлые миры.
Не закусывая, вторую испивал,
С самим собою тихо говоря,
С одиночеством своим тосковал
И на рубахе, реки слезою в моря.
Ни семьи, ни знакомых, ни близких,
Нет у него никого;
А сам знал – пал он низко
И теперь, как назло,
Тоска дает о себе знать.
Дает признак, напоминает
И приходится выпивать,
Часы попусту черпает,
Взглянет в окно – лист опал.
И пьет тихо, говоря тосты:
«За будущий снегопад»,
Шутливо, но просто.
И уже отчасти он рад,
А у самого в горле кости.

Ямщик

Ямщик барина вез,
По холодной погоде, сырой.
Украдкой заметил – барин замерз:
«Замерз, сударь, боже ты мой!»-
Проговорил ямщик очень тихо
И прибавил он скоростей,
Что конь помчался лихо,
Прибавляя шаг все быстрее и быстрее.
Не любил ямщик ни богатых,
Ни поэтов, ни интеллигентов,
Ни военных, ни тому подобию вожатых,
Ни купцов. Деньги под проценты.
То ли от зависти он не любил,
То ли обидели его чем,
Может, сам, где наследил...
Неизвестно это посея.
Но, почувствовав сильные ветры, полон рост,
Повозку чуть притормозил.
– Осталось триста верст. -
Ямщик барину проговорил.
Конечно, неважно это сказал,
А иначе, худо будет. Ямщик это знал.

Барин

На осень смотрел барин,
На опавший вишневый сад
И был он опечален,
Смотря на листопад.
Как повозка к мосту подъезжала,
Барин, почему-то, совсем поник,
Но осени все было мало,
Сильный ветер возник.
«Где же мой брат, где же он?»-
Думал про себя барин тогда,-
«И почему же его туда завело?
В такие окраины, где далека земля,
Сибирская, чуть ли не тайга».
Барин с дороги очень устал,
От извозчика тут он узнал,
Что осталось еще немного.
«Поклонюсь я у порога,
Брат ты мой, чего ж ты так?
Уехал, не попрощавшись,
С десяток лет мне тебя искать
И слуху нет, не возвращавшись»,-
И начал былые времена вспоминать.

Про осень

Вот дорога приближалась к концу,
Пустыри с окружением леса;
Осень говорила: «Ты не жди весну,
А жди зимнего беса».
Солнце спряталось за тучи,
Пасмурный сегодня день.
Дождь становился звонче,
Что нет лета теперь.
Холмы иссохшей травы,
Дополняли туда же пейзаж,
Палитрой упавшей листвы,
Осенняя пора сейчас.
Вечерело. Сумерки наступали.
Эх, никак не теплело,
А птицы все вдаль улетали,
Видимо, надоело.
Пора дождей, пора сырости,
Пора холода и неясности,
Пора «не жди хороших новостей».
Лишь леса об одном говорили,
Их век одинаков;
А ветры с ужасом выли,
Вздымая траву... И был таков.

*

Барин смотрит вдаль
И не видит красивых домов,
На глазах-то и без того печаль,
А этот миг совсем суров.
Думал, что про друга соврали,
Что его здесь и в помине нет,
На ложь, то бишь, как глупца поймали.
Неужто ль, нечестивый свет.
– Ямщик, не перепутал ли ты чего?
Может, надо не так?
– Сударь, да Вы что?
Места все эти я знат.
Куда вам нужно?
– Да вон туда,-
Показал ямщик на дом вдали.
Барин пригляделся: – Ба,
Э ж срамота, брешь ты!
– Ну не знаю, сударь, не знаю,
Вы мне сказали, я отвез.
– Тогда я ничего не понимаю...
А если все же так, то что-с?
Неужели, человек из города,
Будет искать жизни здесь повода?

**

Повозка к дому подъезжает,
Барин спрыгивает с нее, в дом вбегает;
Везде грязь, неумытость, запах плохой,
Одежды кругом лежат
И в целом дом сырой, видать.
Барин вдруг увидел
Спящего человека за столом,
Мрачную погибель,
Покоился мертвым сном.
Барин сразу оторопел,
Такое увидеть никак не хотел.
И похож, и не похож, вроде, тоже.
– Антоша, Антоша!-
Но спал человек, того не слышал.
Да и было бы ему это лишним,
Ведь так крепко он спал,
А барин стоит, не внял.
И так он взглянет, и так,
Не видно его лица.
И барин уж был не рад:
– Мама, моя мама...
Неужели брат жил вот так срамно?

Вдруг, зашевелился «пьяной»:
– Эмм, я хотел бы спросить,-
Вдруг тот вскочил, – Ой, чего-то голова болит.
Тут барин друга своего узнал,
На кресло рядом стоящее мигом он пал.
А второй, приглядевшись,
Свалился на комод,
Широко разинув рот.
– Ба, не смотри на меня, не надо, -
Отвернулся тут человек.
– Не смотри на меня, Вадя,
В моих глазах прочтешь лишь море бед;
Это не тот, кого ты знал,
Сам себя я потерял.
Боже, я же сошел с ума,
Я же получал письмо, что нет тебя,-
Сударь сглотнул в ответ:
– Т...т...т... То есть как нет? -
Барин смотрел на старого друга,
Недоумевал он тут покуда.
А тот все по комнате ходил, причитал и говорил:

– Мой век мал, – все ныл
И из бутылки водку пил.

– Антон Петрович, – барин начал, -
Сядьте же Вы, наконец, -
Антон Петрович не видывал такого раньше.
– Да вы призрак, смотрю, наглец, -
Подойдя якобы к покойному он,-
Батюшки, неужто ль сон!
Подойдя, тот чуть отодвинулся,
То ли и впрямь его друг дурачком прикинулся.
Нечаянно задев его рукой:
– Вадим, бог ты мой!
Дай же я тебя потрогаю.
Сколько лет, сколько зим! -
Барина аж чуть передернуло, -
Не верю глазам, о, Вадим!
– Здравствуй, Антон,-
Вполголоса ответил он.
Барин только в себя приходил,
Второй робко-робко говорил:
– Вадя, да как же, ты мой друг,
Как же так, как же вдруг!
Я же получал письмо,
Что отныне нет уж тебя...
Не понимаю ничего,
А тут поездка твоя.

– Без соображений, – минорной ноткой,
Сводил с ума барина запах водки.
– Дружище, ох, как больно мне,
Спился я в своей тоске.
– О, друг, боже, что с тобой стало-то? -
Наконец барин пришел в себя.
Старые друзья тут обнялись,
Поцелуи следом повлеклись.
Антон Петрович слезы залил,
Из своих морщинистых глаз
И с болью большою заныл
После таких фраз.
– Друг, я тебя искал десять лет,
А ты, оказывается здесь, -
А в комнате почти света нет,
Ночной свет теперь весь.
– Чего ж, Вадим, в потемках сидим?
Друг друга почти не видим,
Дай-ка хоть свечку возьму,
Да на тебя погляжу, -
И скрылся во тьму.

Вернувшись с зажженной свечкой,
Того все так же штормит.
– Друг, мне стало б легче,-
Барин тихо говорит,
– Зачем же ты уехал тогда?
И почему на похоронах моих,
Не было ведь, друг, тебя?
Хочу пойти на компромисс.
Расскажи, что же все-таки случилось?
Горе какое приключилось?
И помощи у меня не попросил, -
С большой горечью барин проныл.
Тот к груди барину пал,
Рыдать, было дело, начал:
– Прости же ты меня, мой друг,
Случилось несчастье тут:
Десять лет уж минуло,
Лето ясное в небытие кануло;
Сколько зим я видел из этого окна,
Сколько раз ходил я до ларька,
А мне нужно было уединение,
Затем письмо о твоём умиротворении.

Другой человек

– Стал я забывать себя другим,
Печаль поразила меня.
Подрываясь от моральных мин,
Судьба оказалась горька.
Ведь шутником и веселым был,
А теперь, кем я стал?
С тонкой горечью ныл,
Себя долгое время искал.
Но в итоге веселья у меня нет,
Лишь одна жестокая тоска
И темный-претемный свет
Открывал злые ворота.
Где же тот я? Где же он?
Затерялся где-то что ли.
То и вижу печальный сон,
От черных бед и горя
Не узнают меня те, кто знал,
Своим другом называл.
Как долго мы страдали,
Умирая от печали;
Не знаю, вернусь ли я,
Когда будет все хорошо.
Кажется, уже мечта,
Слеза, слеза... И больше ничего.

*

– Друг, Антон, да неужели,
Если б был перед твоим горем...
Помню, в далеком апреле
Я увидел тебя на берегу моря.
Тогда это был последний раз.
Десять лет. И сейчас.
– Друг, я бы приехал, конечно,
Но стало бы мне, разве, легче?
Одно грело, с тобой тогда был,
А тут письмо злосчастное, каков тут пыл...
– Покажи, покажи же письмо!
– Нет его уж давным-давно,
Мне такая память не нужна.
– А почему не было тогда тебя?
Антон, ведь умер друг! -
Барин очнулся снова вдруг.
– Вадя, ну как ты не понимаешь,
Тебя увидеть мертвым... Ты не знаешь...
– Ладно, Антон, это мы опустим,
Чего мы все о грустном и о грустном, -
А тот, слушая его, мрачным был все равно.

Любить

– Я полюбил ее зимою, в снегопад.
Чувства, гормоны... Все было.
Но был я о том не рад,
Что она была не красива.
Что ж, любовь зла, я ее любил,
Да и богатой все же была;
Но есть одно «но», чем себя и погубил,
Замужем была она.
Посылал ей письма, нет ответа
И в апреле тогда узнал:
Рано утром на рассвете,
Она с мужем на причал.
Я бежал, бежал, но не успел,
Увидеть ее я хотел.
Уплыли они за рубеж тогда,
Я посмел за ними, но поздно, да.
Уединения стал я искать,
Курить и немного выпивать.
Вот так я барин здесь
Очугился и спился,
А когда вспомнил про честь,
Сам себе и удивился.

*

– О, друг, не вспомнить мне тогда,
Что это была за госпожа.
– Вот так и я жил одним днем, -
Говорил будто сам с собой, -
Ничего, жизнь учтем.
Это не война, а лишь первый бой.
– Брат, скажи, а что было в письме?
И когда оно пришло к тебе?
– Давно, не вспомнить мне,
Не поверить, был я не в себе.
Будто бы в ужасном и кошмарном сне, -
Свеча вся уж изгорела,
Гореть уж дальше не хотела.
– Да, брат Антон, да.
Дожили, приехали, Ба!
А что ты дальше делать хочешь?
Неужто ль жить в этой ночи?
– Не знаю, Вадя, не знаю,
Ведь только ты один остался.
По привычке все так же страдаю,
Перед вопросом жизни замялся, -
Барин невесело заулыбался.

Помню

– Помню старые веселья
И как далек тот миг,
Под погодку весеннюю,
Песней теплой воздух проник:
« Соловухек ясный ты мой,
Лети же, лети же домой».
Помнишь, с тобой же сочиняли
И ходили, распевали?
Как ездили к бабушке моей,
Собирали ягоды, рвали сельдерей.
Ну, куда же все это ушло?
Не вернуть нам все равно.
Затем прошло года два
И в лицей, а там, дела.
Шли года, уже в народе,
Все взрослели, взрослели, вроде.
А там совсем уж серьезными стали
И друг друга потеряли,
Как бабушку похоронил,
Так поиски и учинил.
По твоему следу я мчал,
То противоположно
Вот, угадал.

*

Антон Петрович заснул,
Барин решил сделать прогул.
Выйдя из дома, почувял:
– Да, жить здесь безумье...
Лишь свежий воздух, не то, что в доме, -
Причитал тихо, сонно.
Кучер сидел, курил сигарету,
Хотел уж дожидаться на вопрос ответа,
Но его так и не задал,
Лишь, сомкнув глаза. Спал.
Хотел спросить: «Когда пора ехать?
Когда же все же уезжать?»
Видимо, была помеха
И не стал спрашивать.
Барин смотрел во тьму эту,
Где не видно и следу.
Лишь ветер в черном тумане,
Говорил о прошлом расставании.
– Антон не по годам
Состарился, годится в деды мне;
Ну уж помогу, исправлю сам,
Богатые цирюльни, хорошие ателье.
Эх, Антоша, ты покоришься судьбе.

Покорный

На рассвете покорный судьбе проснулся,
Как обычно, взглянул в окно
И только сейчас он очнулся.
– Эж приснилось мне все, -
Не веря, что это было и есть,
По комнате побродил,
Выбежал на улицу замерзший весь
И там ничего не увидел.
Побродил по окрестностям,
Собрав хворосту, для розжига сучей
Ради своих интересностей.
Чтобы его сон больше не мучил,
В доме он свечку стал искать,
Не помня, куда задевал
И на рубахе реки слез начинают блуждать,
Антон зарыдал.
И вдруг из-под открытого окна,
Донеслись лошадиные копыта.
– Ну, взгляну-ка я, чьи там ныне виды.
Бог ты мой, это ж брат!
Он же едет, как так!

В дороге

Ямщик в руках держал кнуты,
Хмуро смотря на дорогу,
В лицо частицы опавшей листвы,
Поклоняясь осеннему року.
Вадим, он же барин,
Радовался неудачной встрече;
Смотря в далекие дали,
Становилось легче,
Когда с каждой минутой,
Приближался тот дом,
Который оставил он.
Частенько посматривая на друга,
Издавая облегченные звуки,
Что значило: все уж позади,
Встретят новую дорогу они.
Друг его все храпел...
Проснувшись, старые песни запел,
Вспоминая стары стихи,
А в основном, видел он сны.
Иногда, вздрогнет от сна,
Взглянет по сторонам,
Опомнится. Значит, на месте, значит, он там.

Песнь о сапожнике

Во свете черных окон и дороги,
Во свете белых лунных свет,
У проходящего порога,
Остался пыльный цвет.
И за день столько туфель ты увидишь
И устанешь, ведь работа;
Сотни раз звон монет услышишь,
Такова твоя забота.
Эх, сапожник, какая твоя жизнь...
Намывать ботинки только лишь
И каждый день лишь за монету,
Начищать до бесследа.
Ты видишь ноги до колен,
Слышишь звон копыт у стен,
Ты видишь снизу красивых дам,
А в сердце царит любовь.
Она лишь состоит из снов,
Выпьешь дома водки ты стакан.
Эх, сапожник, какая твоя жизнь...
Намывать ботинки только лишь
И каждый день лишь за монету,
Начищать до бесследа.

*

–Да, брат Антон, а ты говоришь,
Шутника в тебе нет, уж уследишь,-
Тот из кармана водку достал,
Глоток испил, но осознал.
Увидев Вадимовы глаза,
Чуть подавился, промямлил: – М-да.
–Друг, – Вадим говорит, – так ты что
Эту дрянь будешь пить все равно?
–Прости, Вадим, привычка старая.
Десять лет – не многая, не малая.
Нужно время, – выкинув бутыль.
И далее он проныл:
–Вадим, а, кстати, до сих пор сочиняешь?
–Ну, тут такое дело, знаешь.
–Давай, что уж, расскажи.
–Честно говоря, давно не излагал,
Ты уж не осуди.
Помнишь ли ты, еще учились,
Я на ходу тогда сочинял.
А тут и стихи появились,
Хотелось, чтоб ты узнал.

Кровать

Вот приду я усталый домой,
Прибавляя шаг все скорее,
И не весел ныне день мой,
И нет ничего приятней и добрей,
Тепла от бабушки и матери.
Друзья огоньком греют,
Но только лишь в моей кровати
Колыбельною песней лелеют.
Ляжешь и понимаешь тогда,
Как на улице холодно, сыро
И не нужны далекие села,
Ведь здесь все так мило.
Тусклый свет, темные окрасы
И на душе так хорошо,
И ни к чему все другие, скажу сразу,
Зевнув, в мысли кличет добро.
Мягко и тепло в душе,
Вне бессонницы, таинство в себе.
Но здесь есть исходы,
Плохо рано вставать;
Там другие итоги,
А пока теплом греет кровать.

*

Повозка у обеденной остановилась,
Когда уже как два часа солнце появилось.
Вадим долго Антона не будил,
А вот как остановилась, быстро вскочил
И сердце его быстрее забилося,
Как таверну он эту узнал.
А Вадим одежду на себе примерял:
– Вот брат, пока ты спал,
Кучер наш одежду тебе подыскал.
Мы уж проехали вскользь.
– Пятьсот верст.
– Ясно, ну что ж, -
Думал Антон совсем о другом,
А суть его была в том,
Что здесь имел славу как пьяница, во время былое,
Ведь прошлое у него темное, серое.
– Брат Антон, выбирать нечего сейчас,
А переодеться надо бы-с.
Ну, пойдем же со мной,
Там за домом «угловой»,
Есть место за гривен золотой.

Остановка

Господа по среднему классу шли,
Где жили, ни богаты, ни бедны;
Люди здесь таковы.
Улицы из двухэтажных домов,
Вид, вроде как, не суров.
И больничная торчит макушка,
За подворотней там церквушка,
И конюшни, и магазины там,
И таверны, граненый стакан.
Все неплохо, но рано,
Времени сейчас не для похода элиты;
Все бы славно,
Но магазины закрыты.
Лишь обеденная работала одна,
Открылась недавно она.
И тишина творила по улице всей,
И тихо было вокруг.
Лишь пьяный и еще пьяней
Спорил, кто из них друг.
Мимо них даже иногда люди ходили,
Кто такие, бдили.
Кто там на улице кричит,
И кем себя величает.

*

– Друг Антон, о, как выглядишь ты,
Как настоящий барин.
– Да и впрямь, Вадим, мужчина мечты, -
Красный румянец по лицу ударил.
По улице к обеденной идут они
И тут Антон пуще покраснел,
Знакомые голоса слышать не хотел.
Только мимо господ хотели пройти:
– Сударь, помоги, помоги!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.